

УДК 141.319.8:2-12

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.103>

Понятия «чистота» и «нечистота» в религиозном экстремизме

Т. В. Излученко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Продемонстрирована возможность и обоснована целесообразность использования антропологических подходов в исследовании деятельности религиозных экстремистских объединений. За основу взята концепция М. Дуглас о бинарных оппозициях, противопоставлении «чистоты» и «нечистоты». Содержание категорий «чистота» и «нечистота» рассмотрены применительно к исламским экстремистам. Обозначен законодательный акцент при определении экстремистской деятельности. Организационные формы и проявления религиозного радикализма свидетельствуют о специфичном мировоззрении, сформированном в соответствии с политическими целями, что позволяет рассматривать деятельность религиозных радикалов в рамках религиозной группы, а при совершении действий, классифицируемых экстремистскими, – в качестве экстремистского религиозного объединения. Специфичный образ поведения и мышления, особенности мировосприятия участников позволяют изучать их деятельность как носителей «религиозной экстремистской культуры». Автором обозначены механизмы влияния на поведение и сознание религиозных экстремистов, использующие естественные психологические свойства сознания. Бинарное восприятие действительности, отношение к чистоте и нечистоте, стремление обезопасить себя от вредоносных явлений направлены на утверждение позиции «мы – они» религиозным экстремизмом. Это проявляется при интерпретации процессов и явлений – акцентирование на одних, идеологически обоснованных и подтверждающих истинность, и представление других несодержательными. При провозглашаемом намерении религиозной группы оказывать помощь каждому участнику, раскрывать его духовную сущность, предоставлять возможности для личной реализации наблюдается постепенное замещение индивидуального компонента мировоззрения на коллективные представления. В данной деятельности по осмыслению социальной действительности религиозные экстремистские объединения функционируют как мыслительные коллективы.

Ключевые слова: М. Дуглас, религиозный экстремизм, чистота, нечистота, табу, бинарные оппозиции, священное.

Для цитирования: Излученко Т. В. Понятия «чистота» и «нечистота» в религиозном экстремизме // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 25. С. 103–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.103>

Религиозные объединения, признаваемые на территории России экстремистскими, радикализируют традиционные религиозные принципы. Религиозные запреты получают применение в любой сфере деятельности без допущений. Совершаемым действиям придаётся статус освящённости, выполнения священной миссии, поддерживаемой представителями мира священного. Находящееся в основе религиозной концепции онтологическое

противопоставление «мы – они» в отношении людей, разделяющих иные религиозные и мировоззренческие убеждения и не являющихся представителями определенной группы, распространяется на все области жизнедеятельности. Объединения вырабатывают в процессе своего становления и развития систему этических положений, регулирующих поведение коллектива и отдельного участника. Система запретов (табу) регламентирует отказ от совершения определенных действий, которые несут угрозу существованию группы. Табу не имеет рационального объяснения. М. Ламбек указал на обычаи и религию как основания табу [23]. Категории «чистота» и «нечистота» подкрепляют запреты. М. Дуглас отметила роль табу в поддержании системы классификаций и морального порядка, бинарных оппозиций [6].

С определённой долей допущения можно указать взаимообусловленность и в некоторых случаях тождество между табуированными отношениями, позицией «мы – они» и бинарной оппозицией «чистота – нечистота». При рассмотрении религиозного экстремистского объединения как объекта антропологического исследования продуктивно применение соответствующих методологических подходов (М. Дуглас). Цель нашего исследования состоит в установлении проявлений категорий «чистота» и «нечистота» в деятельности данных объединений, что позволяет определить содержание запретов в религиозном экстремизме. Для этого необходимым представляется определение понятий «табу», «чистота» и «нечистота», особенностей религиозного экстремистского объединения и указание на проявления данных категорий.

Религиозная группа вырабатывает систему запретов для поддержания символической границы между чистым и нечистым. Концепция формирования и функционирования системы запретов, приведённая Дж. Фрээрером применительно к закрытым сообществам, содержит характеристику табу. Табу существуют с целью оградить определенные предметы, людей и действия в определенное время от взаимодействия с другими предметами, людьми и действиями, тем самым поддерживается социальный порядок, иерархия и структура не только внутри самой группы, но и всего окружающего их мира [13, с. 216]. Так, запрет на общение с представителями иных групп включает представления о возможной заразе, носителями которой они являются. Определенные люди, предметы или действия при отсутствии должного отношения, следования порядку обращения способны принести проблемы, быть вредоносными. Понятия, выражающие запреты, воспринимаются таковыми только в соответствующем социальном и психологическом контекстах [18, с. 73]. Они приводят к эмоциональному возбуждению, которое способствует повышению фокуса внимания на определенной задаче или объекте [17].

Г. Хорс, П. Пудане, исследуя психологический аспект выбора, отметили, что люди при принятии компромиссных решений между различными сферами некоторые варианты рассматривают как запретные. Компромиссы считаются недопустимыми, когда два атрибута относятся к разным сферам. Например, один относится к сфере рыночных операций (атрибут цены), а

другой – к сфере социальных отношений (дружба) [28]. Реакцией на данные компромиссы является моральное возмущение при моральной очистке. Наиболее сильно реакции выражаются в компромиссах между священным и мирским. При этом священное понимается как отношение к этическим положениям, включающим благополучие и здоровье человека, а мирское – как ценности, указывающие на социальный статус. По мнению М. Дуглас, святое проявляется в физической и духовной чистоте, которую необходимо оберегать от осквернения. Чистота есть противник двусмысленности и компромиссов. Святость выражает целостность, сплоченность и завершенность, в том числе и физическое совершенство, полноту жизни. Существуют системы предписаний для поддержания святости, которые фактически содержат руководство по поддержанию здоровья тела и души. Через такое положение «становятся видны соотношения порядка и беспорядка, бытия и небытия, формы и бесформенности, жизни и смерти» [1, с. 33].

Нечистота выступает побочным продуктом упорядочивания и систематизации объективной действительности, представляя потенциальную опасность. Противодействие нечистоте есть позитивные действия, направленные на организацию окружающего мира. Нечистое требует определенного поведения, в результате которого происходит отвержение любых некогерентных предметов, людей или идей коллективному представлению об устройстве мира. Принимаются те элементы, которые наилучшим образом подходят в выстраиваемый образ, а то, что не согласуется, отбрасывается. Если же такое принимается, то структура представлений модифицируется [6, с. 66]. Нечистота есть результат дифференцирующей деятельности сознания, выстраивания порядка и формирования представлений об опасности. Всё, что не проанализировано и не включено, против чего не выработаны меры противодействия, воспринимается как потенциальный источник угрозы. Мотивацией создания системы запретов является стремление сохранить целостность группы, обеспечить безопасность существования участников.

Объекты нечистоты градируются в зависимости от потенциального включения в мир чистоты, в миропорядок. Первую категорию представляют предметы и люди, которые в результате определенных ритуальных действий могут быть включены в ритуальную практику, стать чистыми; люди, разделяющие иные мировоззренческие установки, жильё, в котором проживали иные лица. Вторая категория – предметы и люди, к которым не применимы очистительные действия. Данная категория не имеет возможности быть включенной в миропредставление участников, в их картину мира. Люди, ранее исключенные из группы. Для участников экстремистской организации «Таблиги Джамаат»¹ люди, не являющиеся этническими мусульманами, не способны даже потенциально получить доступ к истинному знанию, к рели-

¹ О признании международного религиозного объединения «Таблиги Джамаат» экстремистским и запрете его деятельности на территории России : решение Верховного Суда РФ от 07.05.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 13.03.2018).

гиозной концепции¹. Также имеются предметы и люди, для которых очистительные меры не нужны. К ним не применима классификация, так как они, используясь в повседневной практике, не несут идеологического содержания, не являются чистыми или нечистыми. Наличие данной категории обусловлено специфичной деятельностью в социуме, в соответствующей культуре, невозможностью полностью исключить вмешательство в повседневность извне. Примечательным является использование участниками исламских экстремистских объединений атрибутов ритуальных практик иных религиозных традиций (пасхальные куличи и яйца) в качестве дозволенной пищи.

Состояния чистоты защищает человека от загрязнения при общении с нечистотой. Поддержание обеспечивается индивидуальными ритуальными действиями очищения (окуривание, чтение священных текстов, ношение некоторых предметов). Соприкосновение с нечистотой не загрязняет чистоту, а при определенных условиях усиливает. Люди, обладающие наибольшей святостью, исключительным статусом, прикасаясь к нечистому, очищают его и делают доступным для использования. Это находит выражение в ритуалах включения в деятельность экстремистского религиозного объединения нового участника духовным лидером, который обосновывает свое решение деятельностью священного, принимая на себя роль посредника. Правила жизнедеятельности имеют сакральный характер, дарованы людям священным. Руководитель выступает посредником, доводящим до остальных истинное знание и воплощающим своим примером идеальный образ поведения.

Сложившаяся классификационная система отражает коллективные представления об объективной действительности, устройстве мира, месте и роли конкретного человека в нём. В запретах закладывается концепция окружающего мира, идеального общественного устройства. При этом воплощением социального идеала или приближающимся к идеалу провозглашается определённая группа. Данная система взаимообусловлена моральным порядком. При наличии религиозного компонента обоснование запретов происходит посредством отсылки к священному как высшему авторитету, способному наказывать и поощрять выполнение определенных этических норм. Коллективное задаёт векторы индивидуального развития, представляет системы координат, в рамках которой человек свободен. Религиозный экстремизм, используя положения и учение той или иной религиозной традиции, обосновывает позицию «мы – они» различными механизмами, в том числе и категориями «чистота» и «нечистота». Табуирование определенных действий, идей и связей направлено на визуализацию символической границы, демаркацию участников определенного объединения и представителей иных мировоззренческих установок. Религиозные убеждения зависимы от социокультурного контекста, но они не коррелируются представлениями об объективной действительности. Интенциональность сознания определяется *processing fluency* – интуитивным отношением к различным аспектам повседневности [24]. Тем самым посредством религиозных

¹ Решение по делу № 1-211/2011 Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-ulan-ude-respublika-buryatiya-s/act-412038887/> (дата обращения: 19.06.2018).

убеждений, которые используются носителями религиозного сознания в качестве механизмов *processing fluency*, группа регулирует поведение и образ мысли. Толкование истинности одних положений и бессмысленности других устанавливает стиль мышления. Роль человека также определяется и утверждается посредством социального статуса.

Религиозное экстремистское объединение действует как институализированное общество, акцентируя внимание на важных социальных процессах и явлениях, создавая соответствующую интерпретацию и классификацию. При этом процессы и явления могут в реальности не обладать тем значением, которым наделяются. Субъективные представления направляются в необходимое направление. Провозглашаемое равенство всех представителей служит унификации. Однако в структуре выделяются представители «центра» – люди, выполняющие административные функции и обладающие знаниями о политических целях деятельности, и представители «периферии» – убежденные в совершении действий, обоснованных священным, и нередко не осознающие противоправный характер действий. Вносимые руководителями изменения воспринимаются естественными, исполнение их не вызвано принуждением. Представители центра в сознании остальных есть лица, которые отмечены священным, обладают большими возможностями – святостью, самостоятельно развитыми или полученными от священного. Представители «периферии» зачастую не осознают роль руководства и организационную деятельность.

Мировоззрение человека есть обусловленность его личного опыта и представлений коллективными установками и стилем мышления, сформированными в соответствии с деятельностью мыслительной группой, институтом [4, с. 188–217]. Категории «чистота» и «нечистота» содержат элементы, направленные на поддержание и укрепление социальной солидарности, обозначающие угрозы целостности мыслительной группы. Группа задаёт человеку определенные классификации, логические связи и характеристики, а также априорность истинности одних понятий и ошибочность, бессмысленность других. Человеком не осознаются предложенные предварительные условия и направления познания, предоставленный контекст процессов и границы воспринимаемой реальности. Культура группы выражает представления и интерпретацию коллективного опыта. Участники получают возможность через неё влиять друг на друга от лица всех. Зачастую концентрируется данная легализованная сила у духовного или светского лидера.

Кроме этого, на людей влияют внешние силы. В первом случае эти силы управляемы, во втором – нет [11]. Общественный характер данных положений делает их более строгими и обусловленными социальным порядком. Особенно это выражается в отношениях к людям, которые несут или потенциально представляют угрозу, находясь в промежуточном, маргинальном состоянии, что классифицируется как нарушение внешних границ. Формы влияния на их деятельность отсутствуют. Таким людям приписывают различного рода вредоносные способности. В результате единственным способом обезопаситься выступает система запретов, подкрепляемая понятием «нечистота» относительно них. В связи с этим данные люди, чтобы

быть включенными в моральный порядок, должны приобрести свойства чистоты и пройти через очистительные ритуалы. Строгая классификация объектов окружающего мира содержится в системе положений (идеологии), в соответствии с которой осуществляется трансформация интерпретаций личного опыта и субъективной реальности. Так, многие действия, ранее совершенные до вступления в группу, трактуются как направление человека священным.

Религиозное экстремистское объединение при включении нового лица в свои ряды требует совершения определенных действий, тем самым, с одной стороны, человек свидетельствует об искренности намерения и осознаёт значимость группы в его жизни, с другой стороны, коллектив исключает из жизни человека определённые элементы, заменяя их своими. Ограничение или полное прекращение контактов с прежним окружением и нередко с членами семьи заполняется поддержкой и семейным уютом со стороны группы. При этом наложение ограничений на человека, предъявление требований указывает на признание группой нового участника, распространение на него чистоты, которую ему необходимо будет оберегать от загрязнения. Совершение действий, классифицируемых как экстремизм, является наиболее значимым свидетельством, выражением соучастия, приобщения и указывает на вынужденное обращение к коллективу в случаях возникновения различного рода трудностей, поисков и необходимости помощи у других участников (поиск жилья, помощь с детьми, финансовая поддержка).

Ритуальные действия служат символическими выражениями процесса очищения человека, в ходе которого происходит включение в структуру бытия представления группы об устройстве бытия, в котором ему отводится определенное место и роль. Группе становится понятным жизнедеятельность человека, мотивация его действий, которые подчиняются моральному коллективному порядку, тем самым он перестаёт представлять угрозу. Чистый человек может совершать вредоносные действия, но они, в свою очередь, известны, и меры по их противодействию выработаны. Такой человек нарушает внутренние границы, определяющие его положение. В свою очередь коллектив направляет свою продуктивную деятельность, помощь и поддержку только на человека, которого идентифицирует как своего представителя, образуя обратную связь. Дж. Рожицка-Тран отразила характер данного взаимоотношения в контексте теории социальной идентичности, отметив, что правило «возлюби ближнего» распространяется только на определенное религиозное объединение [26]. Участники идентифицируют себя и других людей, исходя из организационной принадлежности, дифференцируя людей на «мы» и «другие». Структурирование социальных форм ограничивается существующей символической системой, в которой упорядочивается опыт и выражается осознание социумом своей субъективности [5]. Изменяющиеся условия ведут к возникновению новых и трансформации существующих классификационных систем. В результате чего прослеживается ограниченность или невозможность транскультурных коммуникаций, что способствует закреплению представлений об объективной действительности.

Все внутриорганизационные связи направляются на укрепление структуры, даже если они имеют формы противоречий и конфликтов. Группа

блокирует индивидуальное любопытство, организуя публичную память, в рамках этого актуализируется необходимое, придаются черты неопределенности их противоположностям. «Ярлыки» устанавливаются на все процессы, явления, идеи и предметы. На их основе участники конструируют свои представления согласно предложенным установкам, мыслят на основе принятых положений и моделируют своё поведение. Однако сохраняется позиционирование проявлений индивидуальности как ценности и поощрение человека при данных обстоятельствах. Человек понимает свои действия как рационально обоснованные и обусловленные только его личным выбором. Естественные установки сознания, направленные на сопротивление какому-либо навязыванию идей извне, не срабатывают. При соблюдении строгого контроля со стороны группы допускается определенная индивидуальная свобода в телесных проявлениях, чтобы человек не ощущал скованности и ограниченности своих действий. Некоторые проявления индивидуальности допускаются, если они не ведут к дестабилизации и не нарушают иерархию. Разрешение на некую индивидуальность в большей степени относится к неопитам, которым дозволяется свобода для того, чтобы не вызвать реакцию отвержения и выявить особенности человека, возможность его участия. Постепенно происходит замена индивидуального тела коллективным. Количество индивидуальных телесных и психологических проявлений становится меньше.

На наш взгляд, все вышеуказанные процессы актуальны для немногочисленных социальных групп, деятельность которых обладает закрытым характером. Представители объединяются на основе какого-либо признака и осуществляют совместную деятельность. Например, религиозные группы, где учение находится в основе образа жизни и формирует стиль мышления. Система запретов отражает границы деятельности, «ареал обитания». Группу можно рассматривать как целостный социальный организм, который обладает специфическим «иммунитетом», состоящим из системы запретов. При изменяющихся условиях существования и функционирования табу трансформируется или же прекращает свое влияние, что оправдывается поддержанием целостности и конкурентоспособности, обосновывается ссылкой на священное. П. Осей-Туту, исследуя утрату влияния одних табу при сохранении других, отметил, что для продолжения функционирования запреты должны содержать инструментальную значимость и трансформировать мифологическую составляющую [25].

Наличие специфичной деятельности, обусловленной религиозным учением, направленной на достижение политических целей и не допускающей альтернативных путей разрешения, указывает на социально-религиозный феномен – религиозный радикализм. В современном мире он получает организационное выражение в виде религиозно-политических объединений. Мусульмане, придерживающиеся радикальных взглядов, более связаны со своим окружением, включая знакомых и соседей [19], что выступает предпосылкой совместной организованной деятельности. Участие в радикальных объединениях актуализируется в условиях угрозы своим ценностям и деятельности. По мнению М. Хогга, К. Михана и Я. Фаргухарсона, необходимость укрепления самооценки приводит к усилению идентификации с ради-

кальными группами и ослаблению идентификации с умеренными группами [20]. Р. Халил и С. Рича указывают на возможные сбои в нормальной работе когнитивной системы, вызванные поляризацией и расщеплением мыслительных процессов, как причину радикализации религиозных идей [22]. Следовательно, представителями экстремистского религиозного объединения будут знакомые люди, обладающие сходным ментальным составом, который обуславливает крайность воззрений и идентификацию с радикальной группой [27].

Систематическое участие в религиозных практиках выступает подтверждением искренности намерений человека, приобщением к деятельности и принятием ответственности за противоправные действия. Деструктивность религиозного экстремизма заключается в социальной дифференциации по религиозному и этноконфессиональному признаку [12, с. 5], закрепляется образом поведения, содержащим отклонения от сложившейся социально-религиозной традиции. Л. С. Астахова и А. В. Токранов отметили, что данные поступки людей «приводят к нарушению и дестабилизации наличных, базовых норм, ставят под сомнение истинность общепризнанного, традиционного религиозного опыта и вызывают необходимость соответствующего реагирования» [2, с. 25], что может спровоцировать, в частности, и межрелигиозные конфликты. Религиозная вера выполняет интегрирующую функцию людей в коллектив. В результате участия в религиозных практиках, разделения положений религиозного учения, выдаваемого за единственно истинное, формируется представление у участников об исключительности себя и исполнении священной миссии. Культурные коллективные установки постепенно вытесняют из мировоззрения участников прежние интерпретации процессов и явлений социальной действительности. Религиозный фактор проявляется в специфике мышления и проведения ритуальных практик, основываясь на требованиях соблюдения единого образа мысли и поведения. Особенности мышления и поведения используются маркерами для определения принадлежности к религиозному экстремизму. М. Аль-Зеваири и Дж. Наймат объединили их в категории личностные, демографические и социально-экономические [16].

Для обозначения особых культурных различий социальных групп, созданных на основе идей религиозного экстремизма и позиции «мы – они», обладающих социальной сплоченностью, поддерживаемой организацией на основе противодействия государственной власти, а также этическими и аксиологическими особенностями, можно использовать понятие «культура экстремистского объединения». Результаты проведенного анализа деятельности религиозных экстремистских объединений указывают на распределение функциональных обязанностей среди участников и формирование мировоззрения, основанного на идеологических положениях, что можно интерпретировать как наличие специфичной культурной системы, выраженной в символической форме [9]. Символы есть выражение контролирующих механизмов (слова, жесты, музыка, рисунки) [14].

Религиозное экстремистское объединение есть совокупность носителей определенного религиозного учения, осуществляющих специфичные религиозные практики, мировоззренческие установки которых основываются на

отождествлении позиции «мы – они» и «чистота и нечистота», реализуются в действиях, воспринимаемых экстремистскими. Наблюдаемое бинарное разделение окружающего мира, проявляющееся в повседневности и религиозных практиках, стиле мышления, заключается в направленности религиозной деятельности, упорядочивании религиозного опыта и представлений, что приводит к стандартизированию форм поведения участников [3, с. 216]. Элементы религиозного учения акцентируются в зависимости от идеологических положений, усиливаются оппозицией «мы – они». Структура является иерархичной при провозглашенном равенстве всех участников перед священным. Дифференциация происходит на основе наличия личностных качеств, приносящих практическую пользу группе (финансирование) или свидетельствующих об «отметке» священным (отличная память на тексты, образцово-эстетичное выполнение религиозных практик). Религиозные элементы, вероучение в основе экстремистской деятельности придают определенную аксиологическую нагрузку политическим целям, ссылаясь на санкцию священного. Социальная среда создаётся определенными людьми на основе социальной сплоченности и ограниченности в плане отношений между участниками и образования общепризнанных моральных правил и образа жизни [7].

Участие в совместных ритуальных практиках и поддержание целостности обеспечивается посредством выполнения различных внутриорганизационных действий, направленных на формирование общих мировоззренческих установок, единого образа мысли и поведения; функционирование – внутриорганизационной культурой, с учетом состава и направленности деятельности. В процессе вовлечения людей религиозный экстремизм использует естественные психологические установки сознания, когнитивные способности. М. Шахнович отмечено, что религиозные представления формируются как побочные продукты обычного функционирования ментальных систем. Коммуникация, механизмы определения опасности, интуитивный страх невидимых источников заражения, способность к коалиционному мышлению являются результатом эволюционного давления на когнитивную схему. Религии применяют свойства сознания в обработке нерелигиозной информации [15]. Это происходит по причине стремления представить идеологические положения наиболее естественными, вызвать положительную реакцию у людей. Противопоставление себя другим, окружающему миру, на основе чего осознание индивидуальных особенностей используется в развитии дихотомической позиции относительно государства, социума, иных религиозных и мировоззренческих идей, выражаемой в «мы – они». Религиозная экстремистская культура противопоставляется процессам глобализации социальной действительности, транснациональной коммуникации, становится основой для создания политических институтов [21], это ведет к внутригосударственным конфликтам, росту сепаратизма и межрелигиозной вражды. Данная позиция подкрепляется религиозным обоснованием и присущим человеку желанием оградить себя от всего нечистого, способного принести вред физическому и психическому здоровью.

Центром бытия религиозным экстремизмом провозглашаются сами представители, которые выступают носителями истинности и воплощением

подлинного существования. Мир представляется упорядоченной системой, в которой проживают и функционируют участники. Этот порядок основывается на чистоте, отсутствии хаоса и противоречий в укладе жизни людей. Остальные люди находятся в противоположной сфере, в которой преобладает нарушение порядка, имеются противоречия, что порождает совершение лишних, вредоносных действий, отдаление от подлинного существования. Представителям религиозного экстремизма присущи догматичность сознания, безапелляционное принятие положений определенного философско-богословского учения. Позиция «мы – они» есть, с одной стороны, объективное представление мира относительно религиозной концепции группы, а с другой стороны – субъективное отражение коллективных позиций, проявляющееся в индивидуальной повседневной и религиозной практике. «Мы – они» приравнивается позиции «порядок – беспорядок». С. Кутб, идеолог террористической организации «Братья-мусульмане»¹, отметил, что чистота требует совершения определенных действий, проявления активности по её поддержанию: «... кто твердо считает ислам всеобъемлющим провозглашением свободы человека от любой власти, кроме Божьей, кто верует в чистоту религии... Пусть другие ищут моральные оправдания для джихада» [10].

Понятие «чистота» обуславливается не только влиянием священного, но следованием природе, естественному порядку как процессу, созданному священным, Богом. Человек должен следовать им, тем самым ощущая направленность своей деятельности, одобренную священным. Религиозные практики получают околонучное объяснение с целью доказательства истинности совершаемых действий. Издания, распространяемые экстремистской организацией «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России»², содержат указания на научность своих доводов в вопросах объяснения Библии и событий, описанных в ней³. Зачастую соблюдение чистоты начинается с личной гигиены и проявляется в бинарности отношений к окружающему миру. В религиозном экстремизме это распространяется на социально-политическую деятельность, провозглашается природная естественность действий, направленных на поддержание или установление чистоты.

Религиозный экстремизм, ссылаясь на вероучение той или иной религиозной традиции, включает в содержание категорий «чистота» и «нечистота» религиозные представления, дополненные и обоснованные в соответствии с политическими целями, спецификой деятельности. Содержание категорий отражает идеологические особенности: придание своей деятельно-

¹ О признании организаций террористическими и запрещении их деятельности на территории Российской Федерации : решение Верховного Суда РФ от 14 февр. 2003 г. № ГКПИ 03-116 «[Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 18.06.2018).

² О ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящих в её структуру местных религиозных организаций : решение Верховного Суда РФ от 20 апр. 2017 г. № АКПИ17-238 [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/> (дата обращения: 20.05.2018).

³ Решение по делу № 22-1502/2012 Верховного суда Республики Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-marij-el-respublika-marij-el-s/act-444188916/> (дата обращения: 18.06.2018)

сти статуса чистоты, а действия правоохранительных органов понимаются как деятельность нечистоты. Действия оцениваются относительно наличия или отсутствия чистоты, полезности и вредности для коллектива. Нарушение чистоты может быть индивидуальное или коллективное, на основании степени возможного причинения вреда налагается наказание в виде очистительных мер. Это может быть запрет на участие в некоторых коллективных ритуалах, совершение некоторых действий, общественное порицание.

В исламских экстремистских объединениях категории «чистота» и «нечистота» обуславливаются радикализированными правовыми нормами «халял» (дозволенное) и «харам» (запретное). Защита от соприкосновения с нечистым есть норма религиозного культа. Для ориентации мусульман при потреблении товаров и услуг вводится система сертифицирования с указанием Halal [29]. Однако традиционное толкование трансформируется религиозным экстремизмом. В категорию «нечистота» вносятся элементы, которые соответствуют политическим целям. Также игнорируется сложившаяся в исламе система коррекции строгих запретов или устаревших установлений, система поправок (уловов) [8, с. 67], что ведет к радикализации классификаций всех действий, усилению крайности при вынесении решений. В связи с этим нередко в категорию «нечистота» попадают и мусульмане, не разделяющие данных взглядов (такфир). Участники террористической организации «Исламское движение Узбекистана»¹ и экстремистской организации «Ат-Такфир Валь-Хиджа»² харам (запретное) распространяют на представителей иных религиозных взглядов, указывая, что совершение запрета людьми ведет к нечистоте их самих. Мусульмане, занимающиеся продажей нездоровых продуктов питания (свинины и алкоголя), именуется «кафирами», общение с ними нежелательно. Употребление дозволенной пищи, приготовленной кафирами, запрещено, так как она становится нечистой. Это находит выражение в таких высказываниях, как: «Там же кушать нельзя, потому что они сами не халял».

Подводя итог, следует отметить, что религиозные экстремистские объединения с целью обоснования своей противоправной деятельности используют в качестве механизмов естественные когнитивные свойства сознания. Апеллируя к религиозной традиции и деятельности священного, выполнению священной миссии, высшей онтологической роли, религиозная экстремистская культура гиперболизирует необходимые аспекты религиозного вероучения, бинарные оппозиции в сторону позиции «мы – они». В качестве усиления религиозной концепции содержания категорий «чистота» и «нечи-

¹ Признать террористическими организации «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») и запретить их деятельность на территории Российской Федерации : решение Верховного Суда РФ от 14 февр. 2003 г. № ГКПИ 03-116 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160108040711/http://nac.gov.ru/content/3934.html> (дата обращения: 3.03.2018).

² О признании международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджа» экстремистским и запрете его деятельности на территории РФ : решение Верховного Суда РФ от 15 сент. 2010 г. № ГКПИ10-848 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/> (дата обращения: 18.06.2018).

стота» трансформируется в соответствии с политическими целями и включает не только отношение к предметам и действиям, но и к людям. На анализе проявлений исламского экстремизма как разновидности религиозного экстремизма можно предположить тождество содержаний понятий «табу», «харам» (или иного понятия из соответствующего религиозного учения) и «нечистота». Элементы чистоты и нечистоты определяются по критерию полезности и вредоносности влияния на целостность группы. Включение и исключение, корректировка содержания категорий происходит по принципу сопоставления с существующими коллективными представлениями о мире, роли и месте в нём участников как представителей единой группы. В связи с чем участие в деятельности религиозного экстремистского объединения интерпретируется как деятельность в подлинной реальности, направленная на поддержание мирового порядка и сохранение здоровья, обоснованная священным. Влияние нечистоты не наносит вреда на чистоту. Вред причиняют сами люди в стремлении получить запретное, нечистое, следовать, на их взгляд, более простому пути разрешения проблем.

Список литературы

1. Аккуратова Л. О. Проблематизация порядка и осквернения в работе Мэри Дуглас «Чистота и опасность» // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретов. православ.-христиан. ин-та. 2014. № 9. С. 32–43.
2. Астахова Л. С., Токранов А. В. Деструктивность в религиозном поведении: к вопросу о методологии изучения новых религиозных движений // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. № 5. С. 23–32.
3. Гаврилов С. О. Закономерности корреляционных взаимосвязей религиозного и социального // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 2-2. С. 215–219.
4. Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. 2012. № 4-5. С. 188–217.
5. Дуглас М. Социальный контроль сознания: некоторые формы восприятия острот // Социология власти. 2015. № 4. С. 195–219.
6. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 120 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 352 с.
8. Журавский А. В. Ислам. М. : Весь мир, 2004. 224 с.
9. Килькеев В. Н. Клиффорд Гирц: концепция культуры и семиотический подход к её изучению // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 11. С. 138–142.
10. Кутб С. Война, мир и исламский джихад [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad> (дата обращения: 20.05.2018).
11. Маркова М. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу: пер. с англ / Ин-т социологии РАН [и др.]; вступ. ст., коммент. С. П. Баньковская. М. : Канон-пресс-ц; Кучково поле, 2000. 286 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5.: История. Реферативный журнал. 2002. № 2. С. 140–146.
12. Моисеев С. В. Исламский религиозный экстремизм как фактор нестабильности в современной России // Алт. юрид. вестн. 2013. № 2. С. 4–7.
13. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Политиздат, 1986. 706 с.
14. Чеснов Я. В. Как мыслить антропологически? // Философия и культура. 2012. № 5. С. 15–28.

15. *Шахнович М. М.* Современные проблемы когнитивного религиоведения. Аналитический научный обзор [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.spbu.ru> (дата обращения: 20.12. 2017).
16. *Al-Zewairi M. Naymat G.* Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 113. P. 162–169.
17. *Chan M., Madan Ch., Singhal A.* The effects of taboo-related distraction on driving performance // *Acta Psychologica*. 2016. Vol. 168. P. 20–26.
18. Effects of context and individual differences on the processing of taboo words / K. Christianson, P. Zhou, C. Palmer, A. Raizen // *Acta Psychologica*. 2017. Vol. 178. P. 73–86.
19. *Falco Ch., Rotondi V.* The Less Extreme, the More You Leave: Radical Islam and Willingness to Migrate // *World Development*. 2016. Vol. 88. P. 122–133.
20. *Hogg M., Meehan Ch., Farquharson Ja.* The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46, Is. 6. P. 1061–1066.
21. *Juergensmeyer M.* Religious Nationalism and the Secular State // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 401–405.
22. *Khalil R., Richa S.* On cognitive debiasing and the judgment of suicide-attackersÀ propos de la correction du biais cognitif et du jugement des agresseurs-suicidaires // *L'Encéphale*. 2018. In Press.
23. *Lambek M.* Taboo // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2001. P. 15429–15431.
24. *Levy N.* Religious beliefs are factual beliefs: Content does not correlate with context sensitivity // *Cognition*. 2017. Vol. 161. P. 109–116.
25. *Osei-Tutu P.* Taboos as informal institutions of local resource management in Ghana: Why they are complied with or not // *Forest Policy and Economics*. 2017. Vol. 85. Part 1. P. 114–123.
26. *Róžycka-Tran J.* Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 115. P. 7–12.
27. *Stankov L.* Psychological processes common to social conservatism and terrorism // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 120. P. 75–80.
28. Taboo trade-off aversion: A discrete choice model and empirical analysis / C. Chorus, B. Pudāne, N. Mouter, D. Campbell // *Journal of Choice Modelling*. 2018. Vol. 27. P. 37–49.
29. *Yunos R., Mahmood Ch., Mansor N.* Understanding Mechanisms to Promote Halal Industry-The Stakeholders' Views // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 130. P. 160–166.

The Concepts of «Purity» and «Impurity» in Religious Extremism

T. V. Izluchenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. This paper demonstrates possibility and practicability of using anthropological approaches to the study of activities of religious extremist groups. It is based on M. Douglas' concept of binary oppositions – the opposition of «purity» and «impurity». The content of the categories of «purity» and «impurity» has been considered in relation to religious extremists, Islamic extremists in particular. When considering extremist activity a legislative aspect has been emphasized. Institutional arrangements and manifestations of religious radicalism demonstrate a specific worldview, shaped in keeping with political goals. This makes it possible to consider the activity of religious radicals in the frame of the religious community or the extremist religious community depending on the action committed. A distinctive behavior pattern and way of thinking, peculiarities of the participants' worldview make it possible to study their activity as the activity of holders of the «religious extremist culture». The author has de-

scribed the mechanisms of the influence on the behavior and consciousness of religious extremists based on natural psychological properties. Binary perception of the reality, attitude to purity and impurity, the desire to protect themselves from harmful phenomena are aimed at establishing the position of «we-they» by religious extremist organizations. This is revealed while interpreting processes and phenomena focusing on ideologically justified ones and those corroborating verity, other ones being presented to be unsubstantial. The extremist community members declare their intention to provide assistance to any person, reveal his or her spiritual nature, provide opportunities for personal realization, and at the same time there is gradually individual worldview is replaced by collective ideas. Thus, when interpreting social reality, religious extremist organizations function as thinking communities.

Keywords: M. Douglas, religious extremism, purity, impurity, religious extremist community, radicalism, Islamic extremism, taboo, binary oppositions, culture, sacred.

For citation: Izluchenko T. V. The Concepts of «Purity» and «Impurity» in Religious Extremism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2018, vol. 25, pp. 103-119. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.103> (in Russian)

References

1. Akkuratova L.O. Problematization of order and desecration in the work of Mary Douglas «Purity and danger». *Light of Christ enlightens all: almanac of St. Philaret Orthodox Christian Institute*, 2014, vol. 9, pp. 32-43. (in Russian)
2. Astakhova L.S., Tokranov A.V. Destructiveness in religious behavior: on the methodology of studying new religious movements. *Scientific notes of Kazan state University. Series: Humanities*, 2007, N 5, pp. 23-32. (in Russian)
3. Gavrilov S.O. «Zakonomernosti korreliatsionnykh vzaimosvyažei religioznogo i sotsial'nogo». *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, N 2-2, pp. 215-219. (in Russian)
4. Douglas M. How institutions think. *Sociology of power*, 2012, N 4-5, pp. 188-217. (in Russian)
5. Douglas M. Social control of consciousness: some forms of perception of acuity. *Sociology of power*, 2015, N 4, pp. 195-219. (in Russian)
6. Douglas M. *Purity and danger an analysis of concepts of pollution and taboo*. Moscow, Kanon-press-TS, Kuchkovo pole Publ., 2000. 120 p. (in Russian)
7. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose*. Moscow, Canon Publ., 1995. 352 p. (in Russian)
8. ZHurvaskii A.V. *Islam*. Moscow, Whole world Publ., 2002. 224 p. (in Russian)
9. Kilkeev V.N. «Klifford Girts: the concept of culture and the semiotic approach to its study. *Bulletin of the Chelyabinsk state University*, 2009, N 11, pp. 138-142. (in Russian)
10. Kutb S. War, peace and Islamic Jihad [Electronic resource]. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad> (date of access: 20.05.2018). (in Russian)
11. Markova M. [Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo] / in-t sotsiologii ran, etc.; introd. art., comment. S. P. Bankovskaya. Moscow, Canon-press-C: Kuchkovo field Publ., 2000. 286 p. *Social and human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History. Abstract journal*, 2002, N 2, pp. 140-146. (in Russian)
12. Moiseev S. V. Islamic religious extremism as a factor of instability in modern Russia. *Altai legal Bulletin*, 2013, N 2, pp. 4-7. (in Russian)
13. Frazer Dzh. *The Golden bough: a study in magic and religion*. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 706 p. (in Russian)
14. CHesnov IA.V. How to think anthropologically? *Philosophy and culture*, 2012, N 5, pp. 15-28. (in Russian)
15. Shahnovich M.M. Modern problems of cognitive religious studies. Analytical scientific review [Electronic resource]. Available at: <http://philosophy.spbu.ru> (date of access: 20.12.2017). (in Russian)

16. Al-Zewairi M., Naymat G. Spotting the Islamist Radical within: Religious Extremists Profiling in the United State. *Procedia Computer Science*, 2017, vol. 113, pp. 162-169.
17. Chan M., Madan Ch., Singhal A. The effects of taboo-related distraction on driving performance. *Acta Psychologica*, 2016, vol. 168, pp. 20-26.
18. Christianson K., Zhou P., Palmer C., Raizen A. Effects of context and individual differences on the processing of taboo words. *Acta Psychologica*, 2017, vol. 178, pp. 73-86.
19. Falco Ch., Rotondi V. The Less Extreme, the More You Leave: Radical Islam and Willingness to Migrate. *World Development*, 2016, vol. 88, pp. 122-133.
20. Hogg M., Meehan Ch., Farquharson Ja. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010, vol. 46, pp. 1061-1066.
21. Juergensmeyer M. Religious Nationalism and the Secular State. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, 2015, pp. 401-405.
22. Khalil R., Richa S. On cognitive debiasing and the judgment of suicide-attackers. À propos de la correction du biais cognitif et du jugement des agresseurs-suicidaires. *L'Encéphale*, 2018. In Press.
23. Lambek M. Taboo. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2001, pp. 15429-15431.
24. Levy N. Religious beliefs are factual beliefs: Content does not correlate with context sensitivity. *Cognition*, 2017, vol. 161, pp. 109-116.
25. Osei-Tutu P. Taboos as informal institutions of local resource management in Ghana: Why they are complied with or not. *Forest Policy and Economics*, 2017, vol. 85, is. 1, pp. 114-123.
26. Różycka-Tran J. Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 115, pp. 7-12.
27. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism. *Personality and Individual Differences*, 2018, vol. 120, pp. 75-80. (in Russian)
28. Chorus C., Pudāne B., Mouter N., Campbell D. Taboo trade-off aversion: A discrete choice model and empirical analysis. *Journal of Choice Modelling*, 2018, vol. 27, pp. 37-49.
29. Yunos R., Mahmood Ch., Mansor N. Understanding Mechanisms to Promote Halal Industry-The Stakeholders' Views. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 130, pp. 160-166.

Излученко Татьяна Владимировна
 кандидат философских наук, доцент
 кафедра философии
 Сибирский федеральный университет
 Российская Федерация, 660041, г. Красно-
 ярск, пр-т Свободный, 79
 тел.: 8(391)2062669
 e-mail: izluchenko@mail.ru

Izluchenko Tatyana Vladimirovna
 Candidate of Sciences (Philosophy),
 Associate Professor
 Department of Philosophy
 Siberian Federal University
 79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041,
 Russian Federation
 tel.: 8(391)2062669
 e-mail: izluchenko@mail.ru